

18+

Александр Игин

Закат над марабутой

Мои комнаты

Александр Игин
Закат над марабутой.
Мои комнаты

<https://litres.ru/74370612>

ISBN 9785007106184

Аннотация

Он пил мочу и кровь летучих мышей. Оказавшись в ловушке пустыни, Илья предпринимает последнюю попытку покончить с собой, но организм отказывается подчиниться его воле. Он выживает и находит в себе силы бороться дальше. Илья Марсов по прозвищу «Марсианин»: бегун-фанатик, бизнесмен, который не признаёт правил. Он бросает вызов Сахаре — 250 километров песка без регистрации, без номера, без права на

ошибку. Роман-трагедия о том, как человек бежит от себя — и учится возвращаться к тем, кто ждёт.

Содержание

Глава первая. Энтропия воли	6
Часть 1	6
Часть 2	9
Часть 3	11
Часть 4	13
Часть 5	16
Часть 6	18
Часть 7	20
Часть 8	22
Часть 9	24
Часть 10	26
Часть 11	28
Часть 12	30
Часть 13	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Закат над марабутой

Мои комнаты

Александр Игин

«Человек — это не физическое тело. Человек — это градиент энтропии, который сопротивляется хаосу дольше, чем позволяет термодинамика. И когда ты понимаешь это, пустыня перестаёт быть врагом. Она становится полигоном. А полигон, Марсианин, ты знаешь лучше, чем кто-либо, — это место, где рождаются боги. И где умирают люди, которые забыли, зачем они вернулись. Ты вернулся ради неё. И это единственная причина, по которой вселенная разрешила тебе выжить».

— Из дневников Ильи Марсова, запись от 23 марта 2024 года, найденная в марабуте через полгода после спасения.

P.S. Алиса, если ты читаешь это: я не храню салфетки в коробке. Я храню их в нагрудном кармане. Всегда. Даже в пустыне. Даже когда умирал.

© Александр Игин, 2026

ISBN 978-5-0071-0618-4

Глава первая. Энтропия воли

Часть 1

Илья Марсов никогда не бегал ради пьедестала.

Пьедестал — это конечная точка системы координат, где чужие результаты определяют твою ценность. А Марсианин, как называли его те, кто однажды пересёк его траекторию, признавал только инерцию собственного движения. В мире, где спорт давно стал термодинамикой толпы — обменом по-та на лайки, литров крови на контракты, — он оставался замкнутой системой. Ни сборной. Ни федерации. Ни тренера. Только бегун, пустыня и уравнение, которое он решил решить в одиночку.

В реальной жизни он был «крутым бизнесменом». Это клише, которое жена ненавидела, а партнёры боялись. Группа компаний «Марсов Логистик» занималась тем, что другие называли «арктическим безумием»: перевозками по Северному морскому пути в условиях, когда ледоколы отказывались выходить из порта. Илья построил империю на отказе от гарантий. Пока конкуренты просчитывали риски по страховым таблицам, он выходил на ледовую разведку лично — с навигатором, спутниковым телефоном и запасом сухого пайка на неделю.

— Ты ненормальный, — говорили ему партнёры. — У тебя три дочерних компании, флот из восьми судов, контракты с «Роснефтью» и «Новатэком». Зачем ты сам лезешь в трюмы? Зачем бежишь эти чёртовы марафоны?

Марсов не объяснял. Он давно понял то, что прячется за цифрами любой коммерческой сделки: бизнес — это тоже марафон. Только дистанция не в километрах, а в годах. Соперники — не бегуны в номерах, а компании с уставными капиталами. И главное правило — то же самое: тот, кто первым почувствует грань между «могу ещё» и «сейчас умру», тот и забирает рынок.

Арктические конвои его судов ходили по трассе, которую «Севморпуть» называл «коридором смерти»: подвижные льды, внезапные штормы, температуры, при которых дизель превращался в гель. Капитаны, нанятые за тройные ставки, крестились перед рейсом. Марсов сам сидел в рубке головного судна, смотрел на экраны радаров и вспоминал свои ночные марафоны по Кольскому полуострову, где ветер валил с ног, а дорогу указывали только редкие маячки на сопках.

— Разница только в масштабе, — говорил он. — Там я трачу калории. Здесь — деньги. И те, и другие — энергия. И те, и другие кончаются, если неправильно распределить.

Именно в беге он научился тому, что консультанты по менеджменту называли «фракционным распределением ресурсов». Марсов бежал ночные марафоны шестичасовыми от-

резками: час быстрого темпа, десять минут шага, снова час — и так до полного опустошения гликогена. Эту же схему он перенёс в переговоры с китайскими трейдерами, когда те пытались продавить цены на сжиженный газ: час давления, десять минут молчания, снова час давления. Китайцы ломались к утру третьего дня. Марсов к тому времени уже успел пробежать сорок километров по ледяному ветру и чувствовал себя прекрасно.

— Он не человек, — говорили его конкуренты. — У него нет болевого порога. Он сделку, как позвоночник, переламывает.

Они не понимали главного: Марсов не был бесчувственным. Он был просто перекалиброванным. Где нормальный предприниматель видел крах, Марсианин видел очередной этап дистанции. Где другие нанимали антикризисных менеджеров, он брал рюкзак и уходил в тридцатичасовой трейл по карельским болотам, чтобы вернуться с решением, которое переворачивало рынок. Бег для него был не отдыхом от бизнеса. Бег был той самой лабораторией, где бизнес-стратегии проходили проверку смертью.

Часть 2

Но была в этой системе одна переменная, которую Марсов не мог вычислить. Не мог просчитать. Не мог поставить в таблицу термодинамических уравнений.

Алиса.

Он встретил её за три года до того, как его впервые назвали Марсианином. Тогда он был просто успешным, но ещё не одержимым — только начинал свой путь к фанатизму, бегал полумарафоны по выходным и считал, что два часа сорок минут на «Лужниках» — это достижение. Они столкнулись в коридоре ГKB №3, куда Марсов попал с переломом ноги — обычная история, поскользнулся на гололёде, неудачно упал. Алиса была дежурным врачом скорой, которая привезла его в травмпункт. Ей было двадцать восемь, она носила короткую стрижку, не пользовалась косметикой и умела накладывать шину так, что пациенты не кричали.

— Вы слишком много на себя берёте, — сказала она, фиксируя гипс. — Голеностоп — это не шутка. Три недели покоя.

— Я бегу полумарафон через месяц, — ответил Марсов. — У меня план подготовки.

— У вас будет культя вместо ноги, — парировала Алиса даже не взглянув на него. — Или вы думаете, что организм — это бизнес-проект? Перегрузил активы — получил банк-

ротство?

Марсов засмеялся. Впервые за долгое время он слышал голос, который не боялся его статуса, денег, связей. Алиса разговаривала с ним как с ребёнком, который хочет сунуть палец в розетку. И в этом было что-то бесконечно честное. Бесконечно живое.

Через месяц он пришёл к ней в приёмный покой с цветами. Через три — пригласил на ужин. Через год они поженились в ЗАГСе на Покровке, без помпы, без гостей — только родители, свидетели и Марсов в костюме, который мялся настолько, что Алиса закатила глаза прямо во время церемонии.

— Ты мог бы хотя бы погладить, — прошептала она.

— Я бежал утром двадцать километров, — ответил он. — Потом успел только душ.

— Ты безнадежен, — сказала она, но улыбнулась, и в этой улыбке Марсов увидел всё: прощение, принятие, ту странную женскую любовь, которая не требует, чтобы мужчина был идеальным — чтобы он был настоящим.

Часть 3

Любовь Марсова к Алисе была странной. Не такой, как у других. Он не дарил бриллиантов — Алиса не носила украшений, говорила, что они мешают делать внутривенные уколы. Он не возил её на Мальдивы — она ненавидела пляжи, потому что там нечем занять руки, а её руки должны были постоянно что-то делать: мерить давление, ставить капельницу, держать чью-то горячую от температуры ладонь. Он любил её так же, как бегал марафоны: тихо, упрямо, на пределе возможностей, но без лишних жестов.

Каждое утро, уходя на работу, он оставлял на кухонном столе две вещи: чашку зелёного чая, заваренную ровно на три минуты (Алиса пила только такой), и записку на салфетке. Записки были глупыми: «Не забывай поесть», «Сегодня будет дождь, возьми зонт», «Ты спасла вчера троих — я звонил в приёмный покой». Иногда — просто рисунок: смешная рожица или бегущий человечек, который держит сердце в руках.

Алиса хранила эти салфетки в обувной коробке под кроватью. За три года коробка наполнилась, и Марсов купил новую. Он не знал, зачем она это делает. Но однажды, вернувшись из очередного ночного марафона в четыре утра, он услышал, как она в полусне перебирает салфетки, шелестит бумагой, и понял: это её способ оставаться на связи с ним,

когда он где-то там, за горизонтом, в темноте, где единственная гарантия возвращения — это его воля.

— Ты меня когда-нибудь бросишь? — спросила она однажды ночью, когда он лежал рядом, ещё не заснувший после тренировки.

— Нет, — ответил Марсов.

— А если я умру? — спросила она. Врачи скорой видят смерть каждый день. Для них этот вопрос не метафора.

— Тогда я буду бежать, пока не догоню, — сказал он.

Алиса помолчала. Потом засмеялась.

— Ты действительно идиот, Марсианин.

— Я знаю.

Она не знала тогда, что он не шутит.

Часть 4

Идея, которая овладела им зимой 2024 года, была даже по его меркам безумной.

«Песчаный марафон». Marathon des Sables. 250 километров. Шесть дней. Сахара.

Он объявил об этом за ужином, нарезая стейк из мраморной говядины, который никогда не съел бы в пустыне.

— Я побегу параллельно, — сказал Марсов, даже не подняв глаз. — Стартую в ста метрах от основной группы. Без регистрации. Без номера. Без их чёртовой квоты на страны.

Алиса замерла с бокалом красного. Она знала этот тон. Тон, которым он увольнял заместителей. Тон, которым заходил на сверхмарафон в сорокаградусный мороз в лёгких кроссовках, потому что «организм должен привыкнуть к неудобству». Но сейчас в голосе было что-то новое. Что-то, от чего у неё, привыкшей к остановке сердец, ёкнуло своё.

— Илья, это не твоя трасса, — сказала она тихо. — Там тысяча человек. Медики. Правила. Им не нужен одиночка.

— Им нужен соперник, — ответил Марсов, и в его карих глазах зажглось то, что Алиса называла «режимом Марсианина». — Они все знают меня. Каждый этот бегун — от победителей прошлых лет до японцев, которые бегают двадцатые места, — знает моё лицо. Я их лично поздравлял на финишах. Плевал в душу на пресс-конференциях. Теперь они

побегут, оглядываясь. Сто метров разрыва — это не дистанция. Это зеркало.

Алиса поставила бокал. Стекло звякнуло о мрамор столешницы.

— А если ты сдохнешь там? — спросила она просто, без пафоса. Врачи скорой помощи не умеют красиво прощаться. Она в этом жанре была профи. — Ты отказался подписывать их бумажку. Адрес, куда слать тело. Ты даже это не заполнил.

Марсов улыбнулся той улыбкой, которая появилась у него после того, как он перестал бояться боли.

— Потому что я не планирую умирать официально, — сказал он. — Я побегу вне конкурса. Вне правил. Вне их статистики смерти. Если я умру — значит, меня не существовало. Чистая энтропия.

— А если ты просто исчезнешь? — Алиса повысила голос. — Не умрёшь, не останешься живым? Просто пропадёшь? Что я скажу твоей дочери? Что папа побежал и не вернулся, потому что ему было лень заполнять бланк?

Марсов замолчал. Дочь. Полина. Пять лет. Родилась в тот самый день, когда он выиграл свой первый сверхмарафон — двухсуточный забег вокруг Ильменя, где из двухсот стартовавших финишировало семнадцать. Он прибежал в три часа ночи, взял телефон, увидел СМС от Алисы: «Родила. 3.800. Девочка. Ждём». И упал прямо на финишную черту — не от усталости, а от того, что мир перестал быть суммой уравнений. Впервые за долгое время он плакал. Потом встал, сел в

машину, проехал шестьсот километров без сна и оказался в родзале в тот момент, когда Полину первый раз приложили к груди.

— Полина будет знать, — сказал Марсов. — Что её отец не умирает. Он просто уходит в пустыню, чтобы вернуться более живым, чем был.

Алиса хотела возразить. Но она слишком хорошо знала мужа. Спорить с Марсианином было бесполезно — его логика была безупречной, потому что она была построена на отказе от компромиссов. Оставалось только одно: принять.

— Пиши мне каждый день, — сказала она тихо. — Хотя бы «я жив». И не смейдохнуть, слышишь? Я не подписывала контракт с вдовой.

— Ты подписала контракт с бессмертным, — усмехнулся Марсов.

Алиса швырнула в него салфеткой. Они оба знали, что бессмертных не бывает. Но ложь была красивой. А в их семье красивая ложь иногда заменяла правду, когда правда была слишком уродливой.

Часть 5

Он вылетел в Марокко в марте, когда песок ещё не нагрелся до температуры свернувшегося белка.

Самолёт шёл на снижение над Атласскими горами, и Марсов смотрел в иллюминатор. Внизу простиралось то, что древние географы называли «Море песка» — Эрг-Шебби, Эрг-Чебби, бесконечные дюны, которые двигались со скоростью несколько метров в год, но в масштабе человеческой жизни казались вечными. Цвет песка менялся от розового на рассвете до золотого в полдень и багрового на закате — палитра, которую не повторит ни один художник, потому что сама природа не знает, как она это делает.

Марсов никогда не был в Сахаре. Он бегал по Каракумам, по Гоби, по пустыне Атакама в Чили, где дождей не было четыреста лет. Но Сахара — это было другое. Сахара была матерью всех пустынь. Её размер — 9,2 миллиона квадратных километров — не укладывался в человеческий мозг. Когда географы говорят «пустыня», они имеют в виду территорию, которая больше Австралии. И в центре этой территории нет ничего. Абсолютный ноль. Энтропия, достигшая своего предела.

Из иллюминатора Марсов видел, как дюны перетекают одна в другую — это было похоже на застывшее время. Он знал по спутниковым снимкам, что каждые сто лет рельеф Саха-

ры меняется полностью: впадины становятся горами, горы сглаживаются в плато. Человек в этом масштабе — не песчинка. Песчинка хотя бы заметна под микроскопом. Человек в Сахаре — статистическая погрешность. Ошибка округления. Алиса в своих расчётах доз облучения называла такие величины «фоном».

— Красиво, — сказал сидевший рядом французский турист. — Вы впервые?

— Нет, — соврал Марсов. — Я бегу марафон. Мне нужно, чтобы пустыня стала моим домом.

Француз посмотрел на него с недоумением. Марсов не стал объяснять. Он закрыл глаза и представил, как через три дня будет бежать по этим дюнам, чувствуя под кроссовками не песок, а поверхность другой планеты. Потому что Сахара — это Марс. Только без атмосферы и надежды на терраформирование.

Часть 6

Друзья-фанаты — те самые, кого он профинансировал на «всякий случай», — установили спутниковые маяки на двух джипах и наняли частный вертолёт, который дежурил в ста километрах от маршрута. Марсов не сказал им главного: он не собирался пользоваться их помощью, пока не пройдёт сто процентов дистанции. Идея фикс была абсолютной. Он бежал не к финишу — он бежал от гравитации собственной неуязвимости.

Группа поддержки состояла из троих: Серёга, бывший десантник, с которым Марсов бежал полумарафон в Пальмире ещё до войны; Костя, его финансовый директор, худой очкарик, который ненавидел спорт, но любил Илью за то, что тот спас его компанию от рейдерского захвата в 2018-м; и Лёня, блогер-экстремал, который снимал все забеги Марсова и монтировал ролики, набравшие миллионы просмотров. Три человека, которые знали Марсианина лучше, чем его собственные родители.

— Слушай, Илья, — сказал Серёга по спутниковому телефону за день до старта. — Ты уверен, что не хочешь зарегистрироваться? У них там есть страховка. Эвакуация. Ты же не бессмертный.

— Я уверен, — ответил Марсов. — Регистрация — это признание правил. А я не признаю ничего, кроме физики.

— Физика-то тебя и убьёт, — вздохнул Серёга.

— Если убьёт — значит, я был недостаточно хорош, — сказал Марсов. — А если я недостаточно хорош — зачем мне жить?

На том конце провода повисла тишина. Потом Серёга выругался матом — профессионально, с интонацией взводного на плацу — и бросил трубку. Он знал, что спорить бесполезно. С Марсовым никто никогда не выигрывал споров. Потому что Марсов был готов проиграть жизнь. А оппоненты — только аргументы.

Часть 7

Старт был назначен на пять утра. Тысяча зарегистрированных участников — французы, итальянцы, японец, который брал гидрокодекс вместо воды, бедуин с клеймом на запястье, — выстроились на линии в лёгком сиянии налобных фонарей. Марсов стоял в ста метрах позади, в чёрной майке без номеров, с рюкзаком, упакованным по его собственному протоколу: не разрешённые организаторами солевые таблетки, не их еда, не их ракетницы. Только компас, свисток и три литра воды, перелитой в медицинские флаконы — он презирал пластик, который нагревался до кипятка.

Пустыня в этот час была невыразимо прекрасна. Солнце ещё не взошло, но горизонт уже светился полосой оранжевого, переходящего в фиолетовый. Дюны лежали чёрными китами на фоне неба, которое казалось бархатным — таким глубоким, что в нём тонули даже звёзды. Марсов подумал, что именно так выглядит поверхность Венеры в научно-фантастических фильмах: враждебная, мёртвая, но прекрасная в своей честной ненависти ко всему живому.

Журналисты, которых он сам позвал — два блогера из Москвы, один из Дубая, корреспондент «Спорт-Экспресса», — снимали его со спины.

— Марсианин, комментарий перед стартом? — крикнул молодой парень с дроном.

Илья обернулся. Его лицо в свете восходящего солнца было похоже на карту старой войны: шрамы, морщины, глаза, которые видели пустыню уже тогда, когда он впервые в двадцать лет потерялся в Каракумах и выбрался, питаясь саранчой.

— Скажите им, — Марсов кивнул в сторону основной группы, — что они бегут за приз. А я бегу за правом называться человеком.

Он не объяснил, что это значит. Да и не смог бы. За десять лет ночных марафонов Марсов понял одну вещь: цивилизация врёт о выносливости. Люди думают, что лимит человека — это сердце, лёгкие, капилляры. Нет. Лимит человека — это воля к самоуничтожению. И у Марсианина этого ресурса было больше, чем у всей тысячной толпы вместе.

Он двинулся.

Восход застал его на первом километре. Солнце вынырнуло из песка, как расплавленный металл, и в тот же миг пустыня из чёрно-фиолетовой стала золотой. Тени дюн вытянулись на запад, и Марсов побежал по границе света и тьмы, чувствуя, как песок отзывается на каждый шаг упругим толчком. В этом беге было что-то первобытное — люди бегали по пескам задолго до того, как изобрели колесо, государства, деньги. Бег по пустыне — это разговор с тем, что было до цивилизации. С тем, что останется после неё.

Часть 8

Первые три дня прошли по плану, который мог бы назвать «планетарным» любой другой смертный.

Марсов бежал по 42—45 километров в день, ночь отдыхал в спальнике прямо на дюнах, ел свою субстанцию — сублимированный белок, смешанный с водой, мочу которой он сливал в отдельную бутылку для последующей фильтрации через портативный угольный картридж собственной конструкции. На вторые сутки он научился читать пустыню так, как читают любимую книгу — зная наперёд каждую строчку.

Он видел, как ветер рисует на песке ритмические линии — их называют «рябь пустыни», и каждая такая линия — это уравнение Навье-Стокса, записанное на песке. Он видел, как в низинах скапливается утренний туман — тонкая влажная дымка, которую можно собрать пластиковой пленкой, если знать, как. Он видел, как барханы движутся — медленно, как айсберги, но неумолимо. За три дня один из барханов сместился на семь метров к юго-востоку. Марсов запомнил его форму — серп с острыми рогами, обращёнными по ветру. Через неделю этот бархан будет в другом месте. А через год его не узнает даже сам песок.

Друзья на джипах сообщали ему по спутниковой рации: «Ты четвёртый в параллельном зачёте. Основная группа жа-

лутется на жару. Тот японец сошёл с сердечным приступом». Марсов не чувствовал жалости. Он чувствовал только арифметику. Четвёртое место — это не победа. Это порог, за которым начинается настоящая борьба: не с соперниками, а с физикой.

На третью ночь он лежал на спине, глядя в небо, и понял, что влюбился в Сахару окончательно. Не за красоту — красота в пустыне такой же обман, как цветущий оазис на горизонте. А за масштаб. За то, как Млечный Путь растянулся от горизонта до горизонта, за то, как звёзды здесь не мерцают — они висят неподвижно, как лампочки в операционной. Пустыня ночью не враждебна. Пустыня ночью равнодушна. И это равнодушие очищает лучше любой медитации.

— Серёга, — позвал он по рации.

— Слушаю.

— Передай Алисе, что здесь красиво. Очень красиво. Как в космосе.

— Сам передашь, — ответил Серёга. — Ты же вернёшься.

— Конечно, вернусь, — сказал Марсов. — Куда я денусь.

Он закрыл глаза и провалился в сон без сновидений. Но перед этим — уже на грани забытья — он увидел лицо Алисы. Её улыбку, ту самую, с морщинками у глаз, которая появлялась только тогда, когда она смотрела на него спящего. Он пообещал себе, что увидит эту улыбку снова. Даже если для этого придётся пройти через ад.

Часть 9

На четвёртый день поднялся ветер.

Сначала это был просто горячий выдох, который сушил губы за минуту. Марсов натянул бандану, прибавил шаг. Но через час горизонт стал жёлтым. Ещё через двадцать минут — чёрным. Пустыня готовилась к тому, что бедуины называют «сирокко» — ветер, который дует из Сахары в Средиземное море, неся с собой миллиарды тонн песка. Обычно сирокко длится несколько часов. Но иногда — особенно если атмосферные фронты сталкиваются в районе Атласа — он превращается в стену, которая не рушится сутками.

— Вертолёт на взлёте! — крикнул из радиации Серёга. — Мы поднимаемся, парень, уходи с маршрута!

— Я никуда не ухожу, — ответил Марсов, хотя песок уже забивался под веки, превращая глаза в наждак. — Буря пройдёт. Я пережду.

— Илья, это не буря! — Серёга почти кричал. — Метеостанция даёт усиление до ста двадцати километров в час! Это ураган!

— Ураганы бывают на море, — хладнокровно заметил Марсов. — А здесь — просто ветер.

Он не переждал.

Ветер налетел стеной — физической, непроницаемой, как броня боевого корабля. Песок бил с силой, которую Марсов

никогда не испытывал даже в арктических пургах. Там снег — он мягкий, его можно сдуть. А здесь каждая песчинка была снарядом. Он упал на колени, накрыл голову рюкзаком и почувствовал, как ткань начинает рваться через минуту.

Восемь часов. Восемь часов ада, где единственным звуком был скрежет миллиарда игл о его кожу. Он дышал через фильтр, который забился уже на втором часу. Он не видел ничего — только жёлтую стену перед закрытыми веками. Он думал о потерянном времени, о том, что четвёртое место ушло в никуда, о том, что Алиса была права, и это бесило его больше, чем боль.

Но посреди этого ада — между шестым и седьмым часом, когда лёгкие начали наполняться песком, а сознание раскалываться на фрагменты — он вдруг увидел красоту. Стена песка, освещённая изнутри редкими вспышками молний (грозы в Сахаре — явление редкое, но возможное), переливалась оттенками охры и киновари. Это было похоже на закат на Венере, если бы Венера была раскалённой печью. Марсов подумал, что в этом есть что-то от ядерного взрыва — та же апокалиптическая эстетика, то же величие уничтожения.

— Красиво, чёрт возьми, — прошептал он сквозь песок. И засмеялся. Потому что даже на грани смерти Марсианин оставался Марсианином.

Часть 10

Когда ветер стих, Марсов открыл глаза.

Ландшафта не существовало.

Там, где были дюны с гребнями, заученными наизусть, стояла ровная жёлтая равнина. Там, где была впадина с чёрными камнями — ориентир, который он отметил на карте, — простиралось поле нового песка. Пустыня переписала себя заново. Это было как переустановка операционной системы: все файлы остались, но разметка диска изменилась до неузнаваемости.

Марсов достал компас. Стрелка вращалась как бешеная — очевидно, магнитные аномалии или железо в песке, нанесённое бурей за сотни километров от какого-нибудь заброшенного рудника. Он выругался и выбросил компас в темноту.

— Я теперь — компас, — сказал он.

Достал карту. Белый лист с цветными линиями, которые ничего не значили. Он порвал её медленно, аккуратно, как рвут чек после неудачной сделки. И вдруг вспомнил Алису. Не лицо — нет. Её руки. Руки, которые накладывали швы, ставили капельницы, гладили его спину после ночных кошмаров. Руки, которые умели останавливать кровь.

Он посмотрел на свои ладони. Они были целы. Пока.

— Я не имею права умирать, — сказал он пустыне. —

Потому что она ждёт.

Пустыня не ответила. Но Марсову показалось, что ветер чуть стих. Или ему просто хотелось в это верить.

Часть 11

На пятый день он услышал вертолёт.

Звук появился из ниоткуда — сначала тонкий звон, потом рокот, потом дрожь земли под ногами. Марсов рванул ракетницу, которую тайком вшил в лямку рюкзака, — красная звезда взлетела в сухое небо и расцвела там, где не было ни облака, ни надежды.

Вертолёт пролетел мимо.

Он видел его — чёрную стрекозу на фоне выбеленного солнца. И пилот, конечно, мог бы заметить огонёк, если бы смотрел вниз. Но пилот искал группу из тысячи человек, а не одного идиота в чёрной майке, который решил, что правила писаны для слабых.

Марсов сел на песок. Впервые за четыре года он позволил себе панику — короткую, как удар тока, судорогу сознания, когда мозг выдаёт все варианты смерти одновременно: от жажды, от теплового удара, от одиночества, от того, что через три дня он начнёт есть себя.

Он заставил себя встать.

— У меня есть ресурсы, — сказал он. — Друзья. Деньги. Они найдут.

Но он не знал тогда, что джипы увязли в песке в ста километрах к югу, что вертолёт сел на вынужденную из-за пыли в турбинах, что Серёга пытался вызвать спасателей марок-

канской армии, а те отвечали: «Нет заявки, нет регистрации, нет человека».

Он был идеально невидим. Как тёмная материя. Как чёрная дыра в статистике выживаемости.

Марсов достал спутниковый телефон. Батарея села ещё вчера — он сэкономил заряд для звонка Алисе, но экономия оказалась смертельной ошибкой. Он посмотрел на чёрный экран, где отражалось его лицо — обожжённое, облезшее, с глазами, которые уже не боялись.

— Я позвоню тебе, — сказал он экрану. — Обязательно позвоню. Даже если для этого придётся выйти из пустыни пешком.

Часть 12

На шестой день он нашёл марабут.

Это было не строение — это была память о строении. Несколько стен из песчаника, купол, частично обрушившийся внутрь, и ниша, где когда-то лежал святой. Теперь там пахло гуано, сухой мочой и чем-то сладковатым — разложением. Но в лучах заходящего солнца руины выглядели величественно: золотистый камень, длинные тени, и где-то в трещинах купола — звёзды, которые пробивались сквозь дыры.

Марсов вошёл внутрь, как входят в операционную: без страха, но с холодной оценкой.

— Крыша есть, — констатировал он. — Уже хорошо.

Он съел полпайка — сухую смесь, которую разбавил свежей мочой из бутылки (запас трёхдневной давности хранился отдельно, запечатанный в вакуумный пакет — он читал про выживальщиков, которые пили старую мочу и умирали от аммиачного отравления). Физически он чувствовал себя отвратительно. Но по шкале Марсианина — нормально.

А потом в куполе зашуршало.

Он поднял голову. В трещинах между камнями висели чёрные комья. Нет — не комья. Тушки. Летучие мыши. Десятки. Сотни. Они спали вверх ногами, сложив крылья, и их маленькие когтистые лапки дрожали в такт его дыханию. В свете заходящего солнца их кожаные крылья казались полу-

прозрачными, как витражи в старом соборе. Марсов подумал, что мыши — это единственные обитатели этого храма, единственные прихожане, которые молятся не богу, а темноте.

Он смотрел на них пять минут. Ему не было противно. Он не испытывал отвращения — давно выжег этот рефлекс ночными бегамы через свалки и скотобойни. Он испытывал благодарность. Простую, животную благодарность существа, которое, наконец, нашло не мертвый песок, а жизнь.

— Спасибо, — сказал он мышам. — Вы будете моим пайком.

Он поймал первую мышь голыми руками. Просто взял её спящую, сжал шейные позвонки. Кровь была тёплой и солёной — как вода, которую он пил во сне. Он пил её прямо из разрыва, не брезгуя, чувствуя, как организм с благоговением принимает железо, белок, соль, жизнь, перелитую в жидкую форму.

Он съел их двадцать. Сырыми. Сначала шкуру, потом внутренности — печень, сердце, лёгкие, которые хрустели на зубах, как леденец. Он делал с ними то же, что они делали с насекомыми, — разрывал, пережёвывал, глотал. На второй день ему показалось, что он слышит голоса. На третий — что его кожа стала прозрачной, и сквозь неё видно чёрную пустоту внутри.

Но посреди этого кошмара он вдруг вспомнил, как Алиса кормила его домашним борщом после его первого сверхма-

рафона. Он тогда не мог есть трое суток — организм отказывался от твёрдой пищи. Она села рядом и кормила его с ложки, как ребёнка, приговаривая: «Ничего, Илья, пройдёт. Организм умнее тебя. Он знает, когда надо жрать, а когда — подождать». Он засмеялся тогда с набитым ртом, и кусок свёклы выпал на футболку. Алиса закатила глаза, но улыбнулась.

Сейчас он ел сырых мышей. И улыбался тоже. Потому что Алиса была права: организм знает. И организм решил, что мыши — это лучше, чем ничего.

Часть 13

Он вывесил на куполе российский флаг — маленькое полотнище, которое всегда возил с собой в память о деде. Бело-сине-красный. На фоне жёлтой пустыни и чёрных камней он казался криком. Но криком, который никто не слышал.

На девятый день пришёл вертолёт снова.

Марсов выбежал из марабута, размахивая ракетницей, но патроны кончились ещё вчера. Он свистел в свисток — надрывая горло, выплёвывая последнюю влагу, которую организм хранил для слёз. Вертолёт прошёл в полукилометре. Пилот даже не повернул головы.

Тогда Марсов зашёл внутрь, сел на пол, достал из рюкзака бритву — маленькое лезвие, которое он хранил не для бритья, а для вскрытия консервов. И написал записку на клочке карты.

«Алиса, прости. Меня не найдут. Твоя пенсия начнётся через десять лет, если тело не обнаружат. Я помню твой запах. Я помню, как ты смеялась в первую ночь. Скажи Полине, что её отец умер не от слабости. Он умер от того, что переоценил свои силы. Но это лучше, чем недооценить жизнь. Я люблю тебя. Я любил тебя с первой секунды, как увидел в приённом покое. Ты была в синей форме, и на кармане была кровь — не твоя, чужая, которую ты не успела отстирать. Я понял тогда, что хочу умереть только после тебя. Но вышло

наоборот. Прости. Адрес: дача в Тверской области, подпол. Ключи у соседа. Не ищи меня раньше, чем через десять лет. Пообещай».

Он достал бритву и полоснул по руке, но кровь не потекла. Организм, доведённый до предела девятидневным обезвоживанием, не дал ей выйти наружу — она выступила тёмными каплями, похожими на дёготь, и тут же свернулась на ране. Марсов лежал на спине, смотрел в дырявый купол, где застревали звёзды, и ждал, когда боль утихнет. Он не мог даже истечь кровью — пустыня отказывала ему в этом последнем праве.

Она не пришла.

Утром он проснулся. Руки болели, но порезы затянулись грубой коркой. Он сел. Посмотрел на свои ладони. И вдруг засмеялся — громко, истерично, выплёвывая смех вместе с песчинками, застрявшими в лёгких.

— Ты даже умереть не умеешь, — сказал он себе. — Что за хреновый бизнесмен.

И в этот момент он понял, зачем бегал все эти годы. Не ради рекордов. Не ради славы. Ради этого вот момента — когда вселенная говорит тебе «нет», а ты говоришь вселенной «пошла ты, я сам решаю, когда мне подышать». Это же чувство он испытывал, когда в 2019-м его компания была на грани банкротства из-за обвала цен на нефть. Все говорили: «Закрывайся, Илья, сохрани деньги». А он послал всех и пошёл в арктический конвой с убыточным контрактом, ко-

торый через год принёс ему пятьдесят миллионов долларов чистой прибыли. Потому что он знал: рынок — это та же пустыня. Он убьёт тебя, если ты покажешь страх. Но если ты покажешь, что тебе насрать — он отступит.

— Я вернусь, — сказал Марсов пустыне. — И я выиграю этот чёртов марафон. Даже если для этого придётся бежать его в следующем году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.